

МЕСТО ДЛЯ ДИСКУССИИ О СУДЬБАХ ОТРАСЛИ

ИНТЕРВЬЮ
ГЕНАДИЙ ШМАЛЬ
Президент
Союза нефтегазопромышленников России

В апреле в Москве пройдут Национальный нефтегазовый форум и выставка «НЕФТЕГАЗ-2017», которые соберут тысячи участников — руководителей и специалистов нефтегазового комплекса и смежных отраслей. Делегатам форума предстоит обсудить множество животрепещущих проблем, связанных с перспективами российской и мировой энергетики. Как не упустить главного и правильно расставить акценты? Об этом «Нефтегазовая Вертикаль» беседует с членом Программного и организационного комитета ННФ, президентом Союза нефтегазопромышленников России Геннадием ШМАЛЕМ.

Как отмечает наш собеседник, в первую очередь на форуме должны быть обсуждены роль и место России на мировом рынке углеводородов, а также перспективы создания собственного национального прогноза развития НГК. Болевой точкой остается также тема инвестиций в нефтегаз, особенно обострившаяся в связи с введением западных санкций. Чтобы обеспечить нормальное финансирование отрасли, необходимо менять систему ее налогообложения.

Большое внимание требуется уделить также вопросам укрепления минерально-сырьевой базы отрасли, увеличения объемов бурения, разработки технологий извлечения «трудных» запасов.

Не должна остаться без внимания и проблема малого и среднего бизнеса в нефтяной промышленности. Для поддержки малых компаний необходимо разработать новый закон.

Целый ряд тем, которые будут подняты на форуме, потребует дальнейшего более подробного обсуждения. В частности, речь идет об импортозамещении, создании опытных полигонов, техническом регулировании. Диалог, начатый в рамках ННФ, необходимо будет продолжить и на других площадках.

Ред.: Геннадий Иосифович, в апреле в Москве состоится очередной Национальный нефтегазовый форум. Какова, по Вашему мнению, роль этого мероприятия в жизни отрасли?

Г.Ш.: На мой взгляд, Национальный нефтегазовый форум в последние годы стал самой лучшей площадкой для обсуждения проблем НГК. Не секрет, что сейчас нет недостатка в мероприятиях, посвященных нефти и газу. Пожалуй, каждую неделю проходят конференции, семинары, круглые столы на темы добычи, переработки, геологии, экологии и т.д.

Существует также целый ряд постоянно действующих структур, занимающихся анализом ситуации в отрасли. Так, в Торгово-промышленной палате есть Комитет по энергетической стратегии и развитию ТЭК, который возглавляет Ю.К.Шафраник, а я являюсь его заместителем. Подобный комитет действует и в РСПП, им руководит В.Ю.Алекперов.

Фото из архива ПАО «Газпром»

праву занимает соглашение, заключенное между ОПЕК и независимыми производителями.

Причем Россия выступила инициатором этого пакта и провела огромную подготовительную работу. Можно похвалить нашего министра энергетики Александра Новака, который очень много поездил по нефтедобывающим странам, представляя аргументы в пользу такого соглашения. Президент В.В.Путин также внес решающий вклад в достижение этой договоренности.

Национальный нефтегазовый форум в последние годы стал самой лучшей площадкой для обсуждения проблем НГК

В результате нефтяные котировки сегодня держатся на относительно высоком уровне. Я вообще-то считаю, что справедливая цена — \$80 за «бочку». Но даже нынешняя планка в \$50–55, в принципе, устраивает наши компании и государство в целом. И если все участники соглашения будут придерживаться квот (а пока они их соблюдают), то к концу года цены могут подняться до \$60–65.

Иными словами, создан важнейший прецедент — активная политика России повлияла на состояние всего мирового рынка нефти. И я думаю, что на форуме надо обсудить возможные варианты продолжения этой стратегии.

Соглашение, заключенное между ОПЕК и независимыми производителями, создало важнейший прецедент. Активная политика России повлияла на состояние всего мирового рынка нефти

Второй важнейший момент — формирование собственного видения тенденций мирового ТЭК. Мы часто пользуемся прогнозами ВР, ExxonMobil, Eia, МЭА, ОПЕК. Но не надо забывать, что прогноз делается в интересах того, кто его заказывает. Значит, наши интересы там по определению не учтены.

Сейчас дискуссия относительно путей развития ТЭК активизировалась и в стенах Государственной Думы. Это обусловлено тем, что к работе приступил новый состав депутатского корпуса. Я уже встречался с руководством Думы и главами ряда профильных комитетов.

Тем не менее, Национальный нефтегазовый форум остается оптимальной площадкой для диалога о судьбах отрасли. Залогом этого служат как широкий круг обсуждаемых вопросов, так и высокий статус его участников. В трех предыдущих форумах принимали участие люди, от которых зависит решение ключевых вопросов: представители правительства, руководители министерств и ведомств, депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации (как минимум на уровне руководителей профильных комитетов).

Были широко представлены общественные организации: наш Союз нефтегазопромышленников, а также

Торгово-промышленная палата, РСПП, Российское газовое общество и т.д.

А главное, что интерес к ННФ проявляют руководители нефтяных компаний. К примеру, в предыдущих форумах принимали участие генеральный директор «Сургутнефтегаза» Владимир Богданов, топ-менеджеры ЛУКОЙЛа Вагит Алекперов и Леонид Федун, тогдашний руководитель «Башнефти» Александр Корсик и многие другие.

Ред.: Могли бы Вы выделить основные темы, которые ни в коем случае не должны быть обойдены вниманием участников форума?

Г.Ш.: Да, есть ряд забойных вопросов, которые надо обязательно обсудить. Первый из них — место и роль России на мировом рынке. Ваш журнал подготовил рейтинговый обзор, в котором выделены 20 ключевых событий прошлого года (см. «Управляемая стихия рынка», НГВ #1–2/2017). И первую строчку по

Бесспорно, прогноз — дело весьма сложное. Особенно в плане «предсказания» нефтяных цен — на них влияют сотни факторов. Тем не менее необходим общий вектор, который могли бы учитывать в своей деятельности наши нефтегазовые компании.

Необходимо сформировать собственное видение тенденций мирового ТЭК. Такое прогнозирование должно быть задачей не отдельной ВИНК, а государства в целом

Компания ЛУКОЙЛ уже дважды представляла свои прогнозы. В последний раз — в конце прошлого года. Это очень правильная и интересная инициатива. Но такое прогнозирование должно быть задачей не отдельной ВИНК, а государства в целом. Думаю, такая работа должна вестись под эгидой Минэнерго или Минэкономики.

Одна из самых болезненных проблем — откуда взять деньги для реализации инвестиционных программ. А их нельзя резать, поскольку это будущее отрасли

На мой взгляд, упомянутые темы — положение России в мире и формирование национального прогноза — должны быть обсуждены уже на самой первой сессии форума, чтобы в дискуссии могли принять участие руководители Минэнерго и крупнейших компаний.

Ред.: Наверное, на форуме должна прозвучать и тема налоговой реформы в отрасли, которая сейчас так много обсуждается...

Г.Ш.: Несомненно. Причем я бы поставил вопрос шире — выработка новых механизмов инвестирования отрасли. Ситуация тут непростая. Как известно, западные страны ввели против России санкции, затрагивающие, в первую очередь, финансовую сферу. Существенно ограничен доступ к долгосрочным кредитам под относительно низкие проценты.

Отечественная финансовая система не может обеспечить инвестирование экономики на должном уровне. Я как-то читал о том, что Генри Форд еще в начале XX века заявлял: если банкиры устанавливают процентную ставку 6%, их надо жестко наказывать. А наши банки под какой процент дают деньги?

Поэтому одна из самых болезненных проблем — откуда взять деньги для реализации инвестиционных программ. А их нельзя резать, поскольку это будущее отрасли.

По данным Минэнерго, мы ежегодно вкладываем в добычу около \$20 млрд. Я сделал простой «мужичий» счет. В 2015 году в мире инвестиции в производство углеводородного сырья составили примерно \$640 млрд. В итоге было добыто 4,3 млрд нефти и 3,2 трлн м³ газа. Таким образом, на одну условную тонну углеводородов затратили около \$80. Получается, что у нас удельные вложения в два раза ниже, чем в среднем по миру.

То есть мы постоянно недофинансируем нашу нефтяную промышленность. Это связано с совершенно дурацкой системой налогообложения. Нигде больше в мире нет такого отъема выручки у нефтяников и газовиков, как у нас. Причем за рубежом налогами облагается преимущественно прибыль, а не выручка.

Возьмем, к примеру, Норвегию. Там налоги достигают 70%, но они считаются именно от прибыли. А у нас те же 70% берутся с выручки. Это неслучайная глупость. Ведь компании находятся в совершенно разных условиях. У одних — хорошие месторождения, высокие дебиты. А другие, преимущественно малые компании, работают «на хвостах». Как им платить такие налоги?

Причем когда принимался НДС, речь шла о том, что он будет действовать всего несколько лет, до 2006 года. Но в результате данный налог до сих пор применяется. Это настоящая удавка для малых компаний.

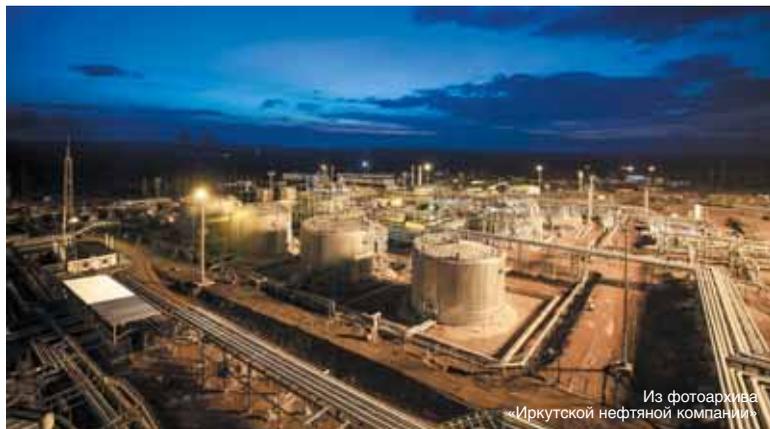
Поэтому я думаю, что тема налогообложения должна обязательно прозвучать на форуме. Кстати, она уже поднималась на предыдущих мероприятиях, однако пока оптимальное решение так и не найдено.

Ред.: Но ведь определенные подвижки в этом плане имеются. Готовится эксперимент по опробованию новых схем налогообложения добычи...

Г.Ш.: Сейчас предлагается введение налога на дополнительный доход. Я не очень понимаю, что это такое. С налогом на финансовый результат все более-менее ясно — получил прибыль, часть ее отдал государству. А что такое «дополнительный доход», как его считать? Подозреваю, что и сами авторы инициативы с этим не до конца разобрались...

Еще один важный момент — налоговая реформа должна быть последовательной. Вспомним в этой связи судьбу пресловутого налогового маневра. Когда его принимали, правительство обещало, что таможенная пошлина будет снижена, а НДС повышен. Но подняли и то и другое.

Таможенная пошлина в конечном итоге перекалдывается на плечи зарубежных потребителей, а за НДС расплачиваются рядовые российские граждане, покупающие топливо на АЗС. Нам обещали: чтобы избежать роста цен на заправках, мы не будем трогать акцизы. Но они тоже выросли! И хотя глава ФАС Игорь Артемьев требует, чтобы о росте цен на горячее публично не заявляли, —

Из фотоархива «Иркутской нефтяной компании»

куда от этого денешься? Каждый может прийти на АЗС и своими глазами увидеть, что цены повышаются.

Поэтому надо совершенствовать систему налогообложения. Может быть, стоит создать межведомственную рабочую группу, которая бы подготовила свои предложения по фискальной реформе в отрасли.

Ред.: Безусловно, вопросы внешней политики, прогнозирования, налогообложения крайне важны. Но помимо этих геополитических и макроэкономических тем на форуме должны оказаться в фокусе и чисто производственные проблемы...

Г.Ш.: Конечно, и начать здесь надо с проблемы запасов. В советское время мы ежегодно бурили около 7 млн метров разведочных скважин, в одной Тюмени — до 3 млн метров. В 2016 году было пробурено чуть больше 1 млн метров, а в предыдущие годы не дотягивали и до миллиона. Откуда же взяться приросту запасов?

Мне понравилось выражение одного из моих коллег: есть оценки официальные, а есть — профессиональные. Министр природных ресурсов Сергей Донской докладывает президенту, что в 2015 году было приращено 620 млн тонн запасов. А профессионалы отмечают, что более 300 млн тонн из этих запасов вообще не рентабельны, еще 200 млн тонн — низкорентабельны. Что же остается?

В первую очередь, трудноизвлекаемые запасы. Сегодня их доля в минерально-сырьевой базе отрасли достигает 60%. У нас уже нет таких гигантских «традиционных» месторождений, как Самотлор, Федоровское, Ромашкинское. Поэтому придется ориентироваться на разработку «трудных» объектов.

Первое, что надо сделать, — разработать четкий стандарт, какие запасы относятся к трудноизвлекаемым. Еще в 1983 году Николай Николаевич Лисовский и Элик Мазитович Халимов подготовили такую классификацию. Но с тех пор прошло уже более 30 лет, и многое изменилось. Поэтому нужны четкие критерии: по химическому составу нефти, характеристикам коллектора, горно-геологическим условиям и т.д.

Затем необходимо создавать технологии освоения трудноизвлекаемых запасов. У нас уже есть неплохие наработки в этой сфере. Так, компания РИТЭК занимается разработкой

методов извлечения нефти из баженовской свиты. Совместное предприятие Shell и «Газпром нефти» — «Салым Петролеум Девелопмент» — внедряет очень интересную технологию химического заводнения пластов. Причем все необходимые для этого реагенты производятся в России.

Ред.: Опыт тех же США свидетельствует о том, что залог успеха при разработке нетрадиционных запасов — кратное увеличение объемов бурения...

Г.Ш.: Безусловно. И здесь тоже имеются существенные проблемы, которые надо обсудить на форуме. В 1980-е годы в России бурили примерно 50 млн метров эксплуатационных скважин в год. А в последние годы — всего 20 млн метров, и только в прошлом году вышли на рубеж 22 млн метров. А американцы бурят около 100 млн метров, при сопоставимых с нашими объемах добычи.

Знаменитый нефтяник Виктор Иванович Муравленко часто повторял: «Нефть — на кончике долота!» Если мы не пробуем скважину, не будет добычи. Правда, сейчас ситуация несколько изменилась за счет строительства наклонных и горизонтальных скважин, проведения ГРП. Но все равно объемы эксплуатационного бурения остаются ключевым фактором сохранения и наращивания добычи. Их надо увеличить как минимум в два раза.

Это же касается и ГРП. По итогам 2015 года, на наших месторождениях было осуществлено где-то 13,5 тыс. гидроразрывов. А в США — больше 100 тыс.

Ред.: Еще совсем недавно в качестве одного из основных источников наращивания запасов и добычи рассматривалась Арктика. Сегодня большинство арктических проектов перешло в категорию нерентабельных. Сохраняется ли в связи с этим интерес к «высоким широтам»? Будет ли эта тема обсуждаться на форуме?

Г.Ш.: Я считаю, что бездумно лезть в Арктику не следует. Мы к этому просто не готовы — ни технически, ни технологически, ни экономически, ни, особенно, экологически.

Вместе с тем Арктикой заниматься надо. В первую очередь, в плане геологоразведки. Пока только Баренцево море относительно разведано — примерно на 20%. А в осталь-

ных акваториях этот показатель составляет всего 2–4%.

Много было написано о скважине, которую «Роснефть» и ExxonMobil пробурили в Карском море и с помощью которой открыли месторождение Победа. Но я глубоко убежден, что по результатам бурения одной скважины невозможно прирастить запасы на 120 млн тонн. Поэтому нужны дальнейшие исследования. Хотя и здесь надо соразмерять свои усилия — ведь упомянутая скважина обошлась в \$600 млн!

У нас удельные вложения на тонну добычи в два раза ниже, чем в среднем по миру. То есть мы постоянно недофинансируем нашу нефтяную промышленность

Требуется также создавать инфраструктуру для серьезного наступления на Арктику. В свое время у нас была очень мощная структура — Севморпуть. Она имела свой флот, береговые базы и даже полярную авиацию. По сути, это была крупная многофункциональная корпорация.

Надо разработать четкий стандарт: какие запасы относятся к трудноизвлекаемым. Нужны четкие критерии: по химическому составу нефти, характеристикам коллектора, горно-геологическим условиям

Сегодня же все это потеряно. Судов обеспечения почти не осталось — они либо проданы, либо списаны. За постсоветский период удалось построить только одну арктическую платформу — МЛСП «Приразломная». Да и то, строили ее 15 лет и вбухали в это \$4 млрд (и это притом что она сооружена на основе старой зарубежной платформы). А если мы всерьез говорим об освоении Арктики, нам нужна далеко не одна МЛСП...

Необходимо решать и правовые вопросы в Арктике. Территориальные аспекты там по-прежнему до конца не урегулированы. А чтобы обособивать наши притязания на новые акватории, надо проводить дополни-

Фото из архива
ПАО «СИБУР Холдинг»

тельные геологические исследования, собирать доказательную базу.

Существует также проблема технических нормативов для арктических проектов. Да, мы при содействии компании Shell построили ряд объектов на Сахалине, но там преимущественно использовались зарубежные стандарты (в частности, Американского нефтяного института). А при масштабном освоении Арктики надо иметь свои.

В 1980-е годы в России бурили примерно 50 млн метров эксплуатационных скважин в год. А в последние годы — всего 20–22 млн метров

Но главное — это экология. Я как-то подсчитал: разлив 1 м³ нефти может привести к образованию нефтяной пленки площадью 100 га. А если акватория покрыта льдом, то ликвидировать загрязнение будет практически невозможно. Это значит, что всё живое там погибнет. Если, не дай бог, в Арктике случится такая же авария, как в Мексиканском заливе, мы угробим всю планету!

Поэтому Арктикой заниматься надо, но не лезть туда сломя голову. При котировках в \$50–55 ни один проект там не окупится. Не случайно та же Shell отказалась от освоения месторождений на американском арктическом шельфе.

Ред.: Видимо, придется ждать появления новых технологий, которые сделают добычу более экономически эффективной и безопасной...

Г.Ш.: И я убежден, что такие технологии разведки и бурения в перспективе появятся. Об этом, кстати, свидетельствует уже имеющийся опыт освоения арктических месторождений в нашей стране — но не на шельфе, а на суше. Ведь Медвежье, Уренгой, Ямбург, Бованенковское, Юрхаровское — это все Арктика. Хотя на полуострове Ямал понятие «суша» — весьма условное. Территория на 70% покрыта льдом, а остальное — болота.

Когда начинали осваивать Самотлор, тоже остро встал вопрос выбора технологий. Некоторые специалисты предлагали построить искусственные сооружения по образцу Нефтяных Камней в Азербайджане. Другие считали необходимым осушить болота. Наконец, появилась идея создавать намывные острова, благо что глубины были не очень велики. И действительно, острова построили, начали с них бурить, подвели к ним дороги и трубопроводы.

В результате добыча на Самотлоре в лучшие годы достигала 150 млн тонн — больше чем у отдельных стран-членов ОПЕК. И даже сегодня там имеются остаточные запасы в объеме примерно 1 млрд тонн, а производство составляет 20–30 млн тонн в год. Вот что значит правильный выбор технологии!

Ред.: Но вернемся к темам предстоящего форума. Какие еще боле-

вые точки отрасли необходимо будет затронуть в его рамках?

Г.Ш.: Нельзя оставить без внимания тему малого нефтяного бизнеса. Еще недавно более 10% добычи нефти в стране обеспечивали небольшие предприятия. Сейчас их доля всего 1,6%. Раньше таких компаний было более 200, сегодня — не досчитаем и до 70.

И здесь большая вина наших государственных структур. Та же ФАС должна следить за развитием конкуренции. Но на ее глазах происходит поглощение малых предприятий крупными ВИНК. Возьмите «РуссНефть». Откуда она появилась? Гуцериев скупил малые предприятия и создал свою компанию. Но почему ФАС дала согласие на такое укрупнение?

Как правило, малые компании более эффективны с точки зрения производительности, себестоимости добычи и т.д. К тому же они меньше обременены социальными обязательствами и непрофильными активами — они не покупают себе футбольные клубы.

Посмотрите на опыт американцев. В США действует около 8 тыс. малых нефтяных компаний, на их долю приходится 50–60% добычи в стране. Кстати, сланцевая революция, о которой мы так много говорим, — это тоже заслуга небольших фирм. Они в совокупности вложили около \$30 млрд в разработку сланцевых ресурсов. Да, им помогали, давали кредиты, но основную часть работы они сделали сами. Я, как инженер, снимаю шляпу перед применяемыми ими технологиями.

Ред.: Как же поддержать отечественный малый нефтяной бизнес?

Г.Ш.: Для этого надо издать отдельный закон. Мы уже достаточно давно убеждаем наших чиновников в необходимости такого нормативного акта. Но нам неизменно отвечают: существует «общий» закон, предоставляющий льготы субъектам малого бизнеса.

Однако для нефтянки он абсолютного не подходит. Даже компания, добывающая 100 тыс. тонн нефти в год (что по меркам отрасли очень мало), имеет миллиардный оборот. И инвестиции ей нужны соответствующие: бурение одной скважины обходится в 60–70 млн рублей. Такие масштабы деятельности не вписываются в проектово ложе, обозначенное в упомянутом законе...

Ред.: *Отличительной чертой ННФ является то, что в его рамках рассматривается вся вертикаль нефтегазового производства — от той же геологии до глубоких переделов...*

Г.Ш.: И это очень хорошо. Ибо одна из важнейших задач отечественной экономики — развитие химии и нефтехимии. К сожалению, в этой сфере мы значительно отстаем. Так, объем выпуска химической продукции в Китае достигает \$1,4 трлн в год, или 20% от ВВП. А у нас — всего \$80 млрд, или 1,6% ВВП. Причем китайцы добились таких успехов всего за 20 лет.

Да что Китай, одна германская компания BASF производит продукции в 1,5 раза больше, чем все химические предприятия России. Маленькая Финляндия, не имеющая своих углеводородов и покупающая их у нас, поставляет нам в больших масштабах товары нефтехимии.

Стремительно развивают свою нефтехимию и США. Причем американцы используют для этих целей газ, в то время как мы — прямогонный бензин. Соответственно, опережают нас по экономической эффективности нефтехимической отрасли.

Недавно я ознакомился с концепцией развития химической промышленности, которую подготовил Международный институт проблем химизации во главе с Валерием Бабкиным. На мой взгляд, этот документ весьма интересен и содержит рациональное зерно. Но госструктуры пока не проявляют к нему интереса. Думаю, надо активнее заниматься этими вопросами.

Ред.: *Одной из центральных тем на предыдущих форумах было импортозамещение. Однако сколько раз не повторяй «халва», слаще от этого не становится... Есть ли конкретные результаты в этой сфере?*

Г.Ш.: Во-первых, отмечу, что «импортозамещение» — крайне неудачный термин. Он подразумевает клонирование существующих западных образцов. Но это же вчерашний день! Нам нужно думать о дне завтрашнем. Поэтому я считаю, что самый правильный термин — «импортонезависимость», в крайнем случае — «импортовывеснение».

Во-вторых, никто никогда не ставил задачу на 100% перейти на российское оборудование. Это нереально. Не будешь же строить завод, для

того чтобы, например, изготовить несколько необходимых компрессоров. Легче и проще купить их за рубежом. Поэтому я считаю, что реальная цифра, к которой надо стремиться, — около 80%. И она вполне достижима.

Что касается результатов, то они есть. Например, мы недавно обсуждали эту тему в «Транснефти». Сегодня в этой компании удельный вес импортной продукции всего 9%. В прошлом году в Челябинске был введен в эксплуатацию большой завод по производству магистральных насосов. Раньше мы их покупали за рубежом. Сейчас там же, в Челябинске, строится завод по выпуску электродвигателей к насосам.

Еще один пример — пермский завод НОВОМЕТ, который делает электроцентробежные насосы, не уступающие самым лучшим зарубежным образцам. Когда мы начинали осваивать Тюмень, мы мечтали, чтобы наши ЭЦН работали на отказ хотя бы 350–400 дней. Сегодня же пермские насосы работают 1,5 тыс. суток!

Очень хорошие результаты у компании «Буринтех», занимающейся разработкой бурового инструмента. Они создали долото, которое позволяет пройти всю скважину. Обычно для бурения одной скважины требуется 8–10 долот. А это означает большой объем спускоподъемных операций, тратится уйма времени. Теперь же скорость бурения можно значительно увеличить, а затраты — снизить.

В Подмоскowie, в Зеленограде, около 10 лет назад построен завод «Элемер», выпускающий примерно 800 наименований различных датчиков: температуры, давления и т.д. Они также не уступают лучшим зарубежным образцам.

Но мы по-прежнему серьезно отстаем в сферах программного обеспечения, автоматики, телемеханики, КИП. Там используется 90–100% иностранной продукции. И, конечно, за короткое время мы не наверстаем упущенное.

Таким образом, успехи есть, но пока точечные. При Минпромторге создано несколько рабочих групп, которые возглавляются представителями нефтегазовых компаний. Но какой-то четкой стратегии импортозамещения не просматривается.

Фонд поддержки промышленности оказывает помощь только отдельным предприятиям. Причем

преимущественно тем, которые и так финансово устойчивы и способны вернуть кредит.

Поэтому думаю, что мы находимся только в начале долгого пути, который должен привести нас к вытеснению зарубежной продукции с отечественного нефтегазового рынка.

Ред.: *Но даже такое масштабное мероприятие, как ННФ, не может объять необъятное. Наверняка, не все важнейшие темы отрасли удасться обсудить...*

Г.Ш.: Я считаю, что есть ряд важных вопросов, которые необходимо обозначить на форуме, а впоследствии более детально обсудить на других мероприятиях, в том числе и под эгидой ННФ.

В частности, это необходимость создания специальных полигонов для апробирования оборудования и технологий. За рубежом — в США, Нидерландах, Норвегии — весьма развита система таких полигонов.

Одна из важнейших задач отечественной экономики — развитие химии и нефтехимии. К сожалению, в этой сфере мы значительно отстаем

Я недавно вернулся из поездки в Германию, где мы совместно со специалистами РИТЭКа посмотрели полигон, на котором отрабатываются техника и технологии очистки попутного нефтяного газа от сероводорода. Опытная установка работает очень эффективно. На выходе попутный газ имеет содержание сероводорода 5 ppm, а иногда и ноль. Очищенный таким образом газ можно использовать на бытовые и любые другие цели. А полученная элементарная сера направляется на производство цемента.

У нас таких технологий, к сожалению, пока нет. Есть идеи, но до их воплощения «в металле» дистанция огромная. Поэтому нам крайне нужны аналогичные полигоны. Без них никакое импортозамещение невозможно.

В советское время они у нас были. Например, существовал институт ВНИИСТ, который занимался вопросами строительства трубопроводов. И у него под Москвой действовал полигон, где проводились

Из фотоархива
«Иркутской нефтяной компании»

испытания труб — и отечественных, и импортных. Сейчас этого полигона уже нет.

Еще одна тема, требующая отдельного скрупулезного анализа, — техническое регулирование. Дело в том, что несколько лет назад был принят Технический регламент Таможенного союза о безопасности машин и оборудования. В этом документе указано, что нефтегазовое оборудование не подлежит обязательной сертификации. Для него достаточно декларации соответствия.

Необходимо создавать специальные полигоны для апробирования оборудования и технологий. Без них никакое импортозамещение невозможно

А ведь речь идет об особо опасной технике, поломка которой может привести к тяжелейшим последствиям. Ведь брак бывает всегда. К примеру, при сооружении нефтепровода ВСТО пришлось заменить более 200 итальянских задвижек, поскольку они оказались с различными изъянами.

Поэтому одна из актуальнейших задач — совершенствование нормативно-технической базы, приведение ее в соответствие с актуальными требованиями. Эти проблемы могут и должны обсуждаться как на нашем форуме, так и на других дискуссионных площадках.

Ред.: *И что это могут быть за площадки?*

Г.Ш.: Относительно недавно у нас появилась еще одна прекрасная возможность для диалога. В декабре позапрошлого года Александр Новак подписал приказ о создании Совета ветеранов нефтегазовой отрасли при министерстве. В него входит более 50 человек, меня назначили председателем совета, а директор Национального нефтегазового форума С.Е.Яценя выполняет функции секретаря совета.

На регулярных заседаниях Совета обязательно присутствуют министр и заместитель министра Кирилл Молодцов. И мы стараемся подсказать руководителям министерства, как лучше поступить в той или иной ситуации, чтобы не делать каких-то неграмотных шагов.

Приведу несколько примеров. Утверждением проектов освоения месторождений занимается Центральная комиссия по разработке. Раньше она всегда была подведомственной Министерству нефтяной промышленности. В свое время ее возглавляли Оруджев, Филановский, Мальцев. А сегодня ее курирует Министерство природных ресурсов, точнее, Роснедра.

Мы считаем это совершенно неправильным. В Минэнерго должно быть если не департамент, то хотя бы несколько специалистов, которые рассматривают и визируют проекты. Тогда с министерством будут считаться нефтяные компании.

А на недавнем заседании Совета разгорелась жаркая дискуссия по поводу саморегулируемых организаций. Дело в том, что в июне прошлого года был принят закон о внесении изменений в Градостроительный кодекс. Причем протаскивали

его внаглую, без широкого обсуждения. Смысл закона в том, чтобы ликвидировать общероссийские СРО и оставить только территориальные. Но ведь огромное число проектов в нефтегазовом комплексе затрагивает сразу несколько регионов. Если мы тянем трубу через десяток субъектов РФ, то какая СРО должна это контролировать? В каждой области своя? В общем, полная глупость. Мы пытаемся доказать, что так делать нельзя. Тем более что система саморегулирования существует в нынешнем виде уже восемь лет, имеются определенные наработки.

Но, как говорил Энгельс, если бы математические аксиомы затрагивали чьи-то личные интересы, их бы давно опровергли. Так и здесь — видно, затронуты чьи-то личные интересы...

Ред.: *Одновременно с Национальным нефтегазовым форумом будет проводиться выставка «НЕФТЕГАЗ-2017». Считаете ли Вы плодотворной идею совместить эти два мероприятия?*

Г.Ш.: Безусловно, это очень интересно и правильно. Это и обогащает сам форум, и является большим плюсом для выставки. Не секрет, что руководители высокого ранга редко посещают подобные выставки. А вот участники форума обычно осматривают представленную экспозицию. Так, в прошлом году на выставке побывали и министр энергетики, и его заместители, и руководители ряда нефтяных компаний.

Кроме того, в нынешних условиях выставка — единственный путь для продвижения новых технологий и оборудования. В СССР существовал Государственный комитет по науке и технике, который как раз занимался внедрением новых достижений. Действовало около 150 целевых программ, каждую из которых возглавлял руководитель не ниже заместителя министра. Я сам курировал две такие программы. И каждый год приходилось отчитываться: что сделали, что внедрились.

Сегодня же подобной системы научно-технического развития нет. И где можно увидеть последние достижения? Только на выставке. Поэтому приглашаю всех представителей отрасли посетить как Национальный нефтегазовый форум, так и выставку «НЕФТЕГАЗ-2017». □

Russian Oil&Gas Industry Week

НАЦИОНАЛЬНЫЙ НЕФТЕГАЗОВЫЙ ФОРУМ

18–19 апреля 2017 г.
Москва, ЦВК «Экспоцентр»

www.oilandgasforum.ru

17-я международная выставка

НЕФТЕГАЗ-2017

17–20 апреля 2017 г.
Москва, ЦВК «Экспоцентр»

www.neftegaz-expo.ru